

В тот же день, вернувшись из Дворца Наказаний, Юн Шань получил известие от Чжан Чэня: состояние Юн Ци ухудшилось. Его охватил страшный жар, и он не хочет даже есть.

Юн Шань помнил, как ласкал невинное тело, заставляя нежного старшего брата задыхаться от слёз, умолять отпустить его, дрожать от страха и сгорать от стыда. Неужели одного эмоционального шока хватило, чтобы заставить его состояние усугубиться? Юн Шань никогда не предполагал, что Юн Ци может быть настолько невинным юношей, чтобы от одних только прикосновений так заболеть.

Юн Шань удостоил торжественный наряд, который приготовили для завтрашней церемонии, отсутствующим взглядом и после, доделав несколько важных дел, отправился к матушке, чтобы составить ей компанию за ужином, как она просила.

— Что случилось? — без задней мысли спросила императрица, поглядев на сына. — Ты выглядишь подавленным.

— Юн Ци заболел. — Юн Шань прикрыл глаза. Он был так расстроен, что готов был отхлестать себя плетью за содеянное. Чувство вины сжигало его изнутри. Будь он чуть более осторожен, сдержки он своё раздражение — ничего бы этого не было.

Поняв истинную причину плохого настроения сына, императрица безразлично бросила:

— Юн Ци всегда был очень слабым ребёнком.

Не возвращаясь больше к этому вопросу, женщина молча взяла палочками дунсунь^[1] и положила лучшие кусочки сыну.

— Когда ты думаешь поговорить с отцом-императором по поводу Юн Линя?

— Как только найду подходящий момент, я сразу же поговорю с ним, — ответил Юн Шань.

Снег всё шёл и не думал прекращаться.

В роскошном отлитом из золота и яшмы дворце висели разноцветные ковры, защищающие от ветра и холода. Золотой бархат свисал со стен до самого пола, не позволяя холодному ветру проникнуть внутрь. Зимы обычно были не такими холодными, но этот год выдался сильно морозным.

Воцарилась тишина. Разнообразные вкусные блюда, что стояли на столе, совсем не вызывали никакого аппетита. Юн Шань поклевал немного, а после отложил свой ужин в сторону.

Подумав немного, императрица Шу медленно отложила палочки на стол, поднимая взгляд на сына.

— Завтра состоится церемония, и тебя провозгласят кронпринцем, — тихо вздохнув, сказала она.

Проглотив дунсунь, Юн Шань вытер руки и изогнул свои губы в лёгкой ухмылке.

— Почему Вы так вздыхаете, матушка? После завтрашней церемонии Вы станете матерью наследного принца и главной женщиной в стране. Что же касается Юн Линя... Я уговорю отца-императора вернуть его обратно. Разве не уступит он своему наследнику?

— После завтрашней церемонии мы с тобой станем крупной мишенью, лакомым кусочком. — Императрица приказала всем слугам оставить их и, понизив голос, мягко заговорила, словно сама с собой: — Год назад Юн Ци был провозглашён наследным принцем, — вздохнула она. — Чиновники становились в очередь, чтобы вручить ему подарки, и наложница Ли тогда почти стала императрицей. И как только Юн Ци уехал в Наньлинь, её сбросили с пьедестала прямиком в Холодный Дворец, где даже низшая прислуга с отвращением смотрит на бывших любимиц императора. Страшна судьба женщин, которых любили сильные мужчины.

В тот год Юн Шань как раз вернулся из-под алого дождя и кровавого дыхания ветра[2] и увидел, как наложница Ли, которая занимала высокое положение во дворце, внезапно рухнула в самые низы. В императорском дворце внезапно выпущенные стрелы[3] были в руках каждого, даже самого честного и доброго его обитателя, и неизвестно, сколько человеческих жизней унесли они с собой.

Всё, что сказала матушка, было чистой правдой. Какое-то время помолчав, Юн Шань заговорил снова:

— Не переживайте, матушка, ради Вас и Юн Линя я сделаю всё и не позволю врагам достать меня.

Хоть это и было сказано холодным голосом, в этих словах чувствовались бесконечная решительность и твёрдость. Матушка Шу, взглянув на Юн Шаня, внезапно растрогалась от его слов, да так глубоко, что не смогла сдержать слёз.

— Сынок, хороший мой... — тихо прошептала она, неожиданно расплакавшись.

Протянув руку через стол, женщина коснулась щеки Юн Шаня и ласково погладила молодое, но крайне серьёзное лицо.

— Только ты сможешь нести это тяжёлое бремя. Ты сделаешь это и станешь достойным императором своего государства. Даже если на нас нападут и уничтожат, бесследно стерев с лица земли, ты, сынок, обязательно оставишь свой след в истории. Тебя будут вспоминать веками и восхвалять в стихах.

Юн Шань молча кивнул головой.

— После завтрашней церемонии, — вновь ласково сказала императрица Шу, — ты станешь наследником престола, и вся Поднебесная, кроме твоего отца-императора, станет твоей. Юн Шань, матушка хочет, чтобы ты прислушивался к тому, что она скажет, хорошо?

Сама императрица Шу относилась к своим сыновьям по-разному.

Юн Линя женщина либо баловала, либо ругала, она могла дать ему подзатыльник и спокойно наказать за что-нибудь. Однако, когда Юн Линь весело щебетал с матерью о чём угодно, можно было заметить, насколько сильно матушка любит его. Впрочем, как и он её.

К Юн Шаню же она относилась совсем иначе. Неизвестно, то ли из-за характера самого старшего сына, то ли из-за того, что матушка всё же больше любила Юн Линя, она относилась к старшему сыну довольно прохладно. Она почти не наказывала его, но и добрым словом не одаривала. Их отношения больше напоминали партнерские, чем семейные.

Хоть Юн Шань и был спокойнее, чем его младший брат, он всё равно очень сильно нервничал. Нервничал он не только из-за того, что скоро станет наследником престола, но ещё из-за того, что на его столь юные плечи ляжет такая непомерная ответственность. Он прекрасно понимал, что в будущем его ждут трудности, но сейчас, услышав слова матери, юноша растрогался до глубины души, но ему хватило сил не показать этого.

— Матушка, — шёпотом заговорил он, — прошу, продолжайте.

— В детстве, увидев, как королевские телохранители обращаются с оружием, ты был вне себя от счастья и требовал дать тебе подержать меч в руках. Несмотря на все уговоры, ты всё же добился своего, и как только тебе дали оружие, ты порезался, но, несмотря на острую боль, ты продолжал сжимать меч в ручках. Юн Ци — кинжал, который может тебя ранить. — Голос императрицы звучал в тишине, словно тяжёлая грозовая туча, предупреждающая об урагане. — Сынок, даже если тебе завтра удастся скрыться от предательских стрел, сможешь ли защититься от удара Юн Ци?

Юн Шань помрачнел и, тихо стиснув зубы, заговорил: — Разве матушка не обещала отдать мне дело Юн Ци?

Вздыхнув, императрица тихо ответила:

— Я не собираюсь вмешиваться. Я только... переживаю за тебя.

— Что Вас тревожит, матушка? Только ли Юн Ци?

Поглядев на сына, женщина закрыла глаза. Тишина вновь охватила пространство.

Холодный ветер изо всех сил боролся с толстым бархатом. Издавая яростный рёв, холод хотел ворваться в помещение и своим дыханием потревожить накопившееся там тепло. Если бы он только мог, то обязательно проделал бы дырку в бархате, в одно мгновение ворвался бы в зал и полностью уничтожил приятное ощущение уюта.

После долгого молчания Юн Шань тихо поднялся с места.

— Уже ночь, Вашему сыну пора уходить. Матушка, Вам тоже следует отдохнуть, — сказал он. — Что же касается Юн Ци, даже схватившись за его лезвие и порезав руки в кровь, я ни за

что не выпущу его из рук. Я найду способ притупить лезвие, и тогда всё будет хорошо.

— Не пожалеешь ли ты потом? — с сомнением поглядела на него императрица.

Юн Шань приподнял уголки губ, на которых расцвела горькая улыбка. К разочарованию в своих стремлениях он тоже был готов.

Следующие дни как во дворце, так и за его стенами, пролетели, словно гонимые ветром тучи[4].

По всей столице в честь нового кронпринца звучали песни и задорная музыка, которые не прекращались до самого утра. Во всех домах, несмотря на страшный холод и сильный ветер, звучал смех, и люди глушили вино, как воду.

Наложница Шу, несмотря на то что являлась матерью наследника престола, не была официально провозглашена императрицей. Все во дворце называли её так и обращались к ней как к матушке-императрице, но в действительности же она была лишь старшей наложницей, самой сильной из женщин гарема. Всеми силами она старалась прибрать к рукам титул, который сделал бы её настоящей супругой императора. Однако официально в этот день императрицей она так и не стала.

Центральный дворец Поднебесной всё ещё пустовал и ждал своего хозяина, только министры так и не решились вновь хотя бы вскользь упомянуть об этом.

Все прекрасно помнили события прошлого года. Тогда, в этот же месяц, в такой же снежный день, старший сын императора Юн Ци официально был провозглашён наследником престола. В июне того же года министры написали письмо, в котором настоятельно уговаривали императора официально сделать наложницу Ли императрицей. Прочитав это письмо, император пришёл в ярость и сверг своего старшего сына с престола, отняв титул кронпринца.

И сейчас Юн Ци был заточён в мрачных и тёмных стенах внутреннего Дворца Наказаний.

И кто знает, останется ли спустя полгода новый наследник престола в своём роскошном дворце наследного принца? Не случится ли так, что и Юн Шаню придется познать на себе все прелести жизни заключенного королевских кровей по совершенно неизвестной причине?

Старший брат наложницы Цзин по имени Фан Цзомин дома за бутылкой вина, смеясь, сказал своим двум друзьям:

— Как только я узнал, что император отказался называть свою наложницу Шу императрицей, так сразу понял, что у императора к новому наследнику доверия пока что нет. Стало быть, стоит Юн Шаню прыгнуть выше головы — и не видать ему титула дальше. Император отнимет его, если захочет!

Весь этот пьяный трёп, конечно же, дошел до ушей Его Величества. Через три дня к именитому семейству нагрянула стража с указом от императора, и в тот же день Фан Цзомина отправили в камеру смертников.

Это событие всех повергло в шок. Но вскоре охваченные страхом министры выяснили, что третья наложница императора Цзин вместе со своим сыном Юн Шэнем к этому делу ни имеют никакого отношения.

— В конце концов, что задумал император?

Останется ли Юн Шань наследным принцем надолго, раз император даже его матушку отказался делать императрицей? Или это особая проверка, которую новый наследник должен пройти с достоинством?

В это же время, пока все были охвачены беспокойством, третий императорский сын Юн Линь, который находился в центральной провинции Цзянчжун, получил от Его Величества разрешение и вернулся в императорский дворец.

— Матушка!

Спрыгнув с коня, Юн Линь весь в пыли отправился напрямик во дворец к матушке Шу. Поспешно переступив порог её покоев, юноша счастливо воскликнул:

— Матушка, я вернулся!

— Юн Линь? Это ты, Юн Линь! — Наложница как раз переодевалась и, услышав голос сына, выскочила с места и босиком бросилась к выходу. — Это и правда ты, Юн Линь! — вне себя от радости бежала к юноше императрица.

Не успела женщина выскочить к нему, чтобы встретить, как на пороге появился знакомый силуэт. Распахнув свои объятия, юноша бросился к матушке и, крепко её обняв, со смехом заговорил:

— Я вернулся! О Небо, я уже начал задыхаться в этом проклятом дворце Цзянчжун!

— Ох, не обнимай свою матушку так крепко, это не прилично! — с улыбкой бранила своего сына наложница Шу. Немного отстранившись от ребёнка, она беспомощно покачала головой. — Хоть ты и носишь титул принца, но ведёшь себя совсем не так, как подобает. Куда подевались твои манеры, которым обучали тебя твои наставники? Рядом с тобой явно не было никого, кто бы тебя вразумлял. Давай присядем, и ты спокойно всё расскажешь матушке. Кто-нибудь, подайте сюда димсам[5]! Я знала, что ты скоро вернёшься, поэтому специально приказала заранее всё приготовить. Итак, как тебе жилось в Цзянчжун? Я смотрю, ты будто бы похудел.

Юн Линь послушно присел, однако создавалось ощущение, что приземлился он на шило, которое не давало ему усидеть на месте спокойно. Он крутился туда-сюда и взволнованно рассказывал, не теряя своей искренней улыбки:

— Я не голоден, матушка. Там была страшная жара, но, в целом, довольно-таки неплохо. Но я очень скучал по матушке и по старшим братьям.

— Без меня там никто не осмелился приглядывать за тобой, и, наверное, ты там совсем разбаловался?

— Нет! — Близнец Юн Шаня озорно улыбнулся и со смехом добавил: — В тот день, когда старший брат стал наследным принцем, я приказал охране найти фейерверки, и в тот же вечер — ба-бах! — я запустил их в воздух, и всё небо сразу стало красным. Кстати, матушка получила письмо, что я ей послал?

— Получила.

— Матушка, Вы говорили, что позаботитесь о старшем брате Юн Ци. Вы это сделали?

— Да.

— Я знал, — вздохнув с облегчением, улыбнулся Юн Линь. — Если матушка заботится о старшем брате Юн Ци и если рядом ещё старший брат-наследник, то Юн Ци ничто не угрожает. Он сейчас во дворце с матушкой Ли? Пойду, навещу его.

Юн Линь уже было собрался встать с места, как императрица поспешила остановить его. Заметив на её лице серьёзное выражение, Юн Линь остолбенел.

— Матушка?

— Юн Ци не во дворце с наложницей Ли.

— Где же он тогда? — спросил Юн Линь.

— Во внутреннем Дворце Наказаний.

— Во внутреннем Дворце Наказаний? — спросил, поколебавшись, Юн Линь, а затем продолжил: — Неужели это из-за тех писем, что Юн Ци отсылал своим родственникам в столицу? Но ведь в январе отец-император уже вызывал его на допрос и неоднократно. Так почему во время допроса они ничего так и не выяснили? Во внутреннем Дворце Наказаний всегда мрачно и холодно. Это ужасное место, при одном взгляде на него уже становится плохо. А если там старшего брата Юн Ци обижают, что тогда делать?

— С ним сейчас твой старший брат, и пока он под его опекой, с Юн Ци будут пылинки сдувать, — ласково поглаживая сына по тёмным волосам, заговорила императрица. — Ты был в дороге несколько дней и наверняка сильно устал, поэтому поешь немного, прими горячую ванну, а служанки сделают тебе массаж. Ты отдохнёшь, а вечером составишь своей матушке компанию за ужином, хорошо?

— Хорошо, я не поеду к себе во дворец, после ужина останусь с Вами. Да, кстати, я привёз подарки. Матушке очень понравятся засоленные в соусе овощи и зелень, что я привёз из Цзянчжун, целых два кувшина! Прикажите подать их сюда, — не колеблясь, отозвался Юн Линь, но после вдруг взялся за старое: — Я сделаю всё, что требует матушка, но сначала я должен съездить во Дворец Наказаний и встретиться со старшим братом Юн Ци, а потом я мигом примчусь обратно.

Он снова поднялся на ноги, и снова женщина остановила его:

— Тебе что, больше нравится Юн Ци, чем родная мать? Присядь! Внутренний Дворец Наказаний — ужасное место, от которого исходит страшная тёмная энергия, и если ты хоть раз окажешься там, то непременно навлечёшь на себя беду.

Всю дорогу Юн Линь думал о Юн Ци. Он уже представлял, что, как только он вернётся в столицу, первым же делом встретится со старшим братом. Но, услышав слова матушки, Юн Линь сразу нахмурил брови:

— Матушка, я...

— Ни слова больше! — повысив тон, заговорила наложница и, пристально поглядев на Юн Линя, обратилась к служанкам: — Закройте все двери во дворце. Сегодня Его Высочество останется здесь!

Переведя взгляд, она вновь посмотрела на своего сына. Гнев стал медленно исчезать с её лица, а на губах вновь заиграла тёплая улыбка.

— Что может быть важнее вечера, проведённого в компании родной матери после долгой разлуки? Вот и хорошо, а завтра ты можешь поехать и навестить своего Юн Ци.

Пока Юн Линь разговаривал с матушкой, во Дворце Наказаний воздух наполнило благоухание невинного цветка.

Примечания:

[1] Дунсунь Чао Лажоу — жареные ростки бамбука с беконом. Очень простое вкусное и быстро готовящееся блюдо, типичный представитель хунаньской кухни.

[2] Вернуться из-под алого дождя и кровавого дыхания ветра — буквально: вернуться с войны.

[3] Внезапно выпущенные стрелы — буквально: удар в спину.

[4] Дни, пролетевшие, словно гонимые ветром тучи — дни, пролетевшие в важных заботах и кардинальных переменах.

[5] Димсам или дянсинь — лёгкие блюда, которые в китайской традиции чаепития подают к столу вместе с чашкой чая, как правило, до обеда.

<http://bllate.org/book/13372/1189545>